

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

EXPERIMENTA LUCIFERA

*Сборник материалов
VI Поволжского научно методического семинара
по проблемам преподавания и изучения
дисциплин античного цикла*

Выпуск 5

Нижний Новгород
Издатель Ю.А.Николаев
2009

ББК Ся 431
Е45

Е45 EXPERIMENTA LUCIFERA: Материалы VI Поволжского научно-методического семинара по проблемам преподавания и изучения дисциплин античного цикла. – Н. Новгород: Изд. Ю.А.Николаев, 2009. – 308 с.
ISBN 978-5-93529-055-9

Сборник включает в себя материалы VI Поволжского научно-методического семинара по проблемам преподавания и изучения дисциплин античного цикла, состоявшегося 23–24 апреля 2009 года на филологическом факультете Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. В публикуемых статьях отражены филологические, философские и культурологические аспекты поднятой проблемы. Публикуемые в данном выпуске материалы отражают ход работы пленарных и секционных заседаний, в соответствии с которым построено содержание сборника.

Издание адресовано преподавателям, аспирантам и студентам гуманитарных факультетов, интересующимся прошлым, настоящим и будущим дисциплин античного цикла.

Статьи даются в авторской редакции.

Редакционная коллегия:

Т.А. Шарыпина (отв. редактор, ННГУ)
И.К. Полухтова (ННГУ)
В.Г. Новикова (ННГУ)
О.Ю. Иванова (РГУ, Москва)
Л.И. Шевченко (Самарский госуниверситет)
М.К. Меньшикова (отв. секретарь, ННГУ)

ISBN 978-5-93529-055-9

© Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, 2009
© Коллектив авторов, 2009
© Изд. Ю.А.Николаев, 2009

АНТИЧНЫЕ МОТИВЫ В ПРОЗЕ Л. УЛИЦКОЙ

Античность всегда дает неисчерпаемые образы и мотивы для литературы любой эпохи. Не является исключением и современная литература, постмодернистский характер которой еще более ориентирует писателей на использование текстов других культур.

В творчестве Л. Улицкой также обнаруживаются античные мотивы, особенно дорог ей образ Одиссея. Так, она начинает повесть «Сквозная линия» с интерпретации образа хитроумного Одиссея как великого лжеца, авантюриста, обольстителя, что открывает тему различия женского и мужского обмана, о котором и говорится в повести. Но если в «Сквозной линии» образ Одиссея только упоминается в предисловии к произведению, то в романах «Медея и ее дети», а также «Казус Кукоцкого» античные мотивы являются структуро- и смыслоорганизующими.

Так, уже в названии романа «Медея и ее дети» вводится образ Медеи, убившей ради мести Ясону своих детей. Но Улицкая по-своему интерпретирует этот образ, если не сказать, переворачивает его. В произведении дан образ Медеи Синопли, гречанки по происхождению, а не грузинки, как об этом повествует миф. У Медеи Улицкой нет собственных детей, «ее дети» – это многочисленные племянники и их дети. Медея Синопли призвана охранять и заботиться о своих «детях», как она заботилась о своих братьях и сестрах после смерти родителей. Так, например, Александра, младшая сестра Медеи, будучи беременной, не испытывает беспокойства, *«безмятежность ее основывалась на уверенности, что Медея возьмет на себя и этого ребенка, как взяла когда-то саму Сандру с братьями»* [1, 78]. Медея оказывается не матерью-убийцей, а матерью-хранительницей.

Так как образ Медеи переворачивается автором, трансформируются и смыслы, образующиеся вокруг этого образа. Если мифологическая Медея способна на убийство детей, воспринимая свое как чужое, то Медея Улицкой, наоборот, мыслит чужое как свое. Более того, ключевым в этом плане является отрывок, описывающий посещение Медеи церкви, когда она вписывает в листок-молитву имена родственников: *«Она всегда переживала одно и то же состояние: как будто она плывет по реке, а впереди нее, разлетающимся треугольником, ее братья и сестры, их молодые и маленькие дети, а позади, таким же веером, но гораздо более длинным, исчезающим в легкой ряби воды, ее умершие родители, деды – словом, все предки, имена которых она знала, и те, чьи имена рассеялись в ушедшем времени»* [1, 173]. Здесь Улицкая создает образ героини, плывущей по реке (ср.: река времени, река жизни), Медея мыслится как та, которая является связующим звеном между двумя вре-

менами прошлым и будущим, она и есть та граница, где сливаются в одно целое поколения людей. В цитате прочитывается и символ «песочных часов», в центре которых и находится Медея.

Интересно, что образ главной героини мыслится не только как вбирающий все времена, но и синтезирующий пространства: родня Медеи не только принадлежит греческой крови: «*Медетины потомки – русские, литовские, грузинские, корейские*» [1, 236], есть даже внучка, родившаяся от черной американки родом с Гаити.

Поэтому она определяется в первую очередь как представитель рода. Понятным становится последняя фраза романа, принадлежащая автору-повествователю, о том, что и она оказалась приобщенной к этой семье: «*Это удивительное чувство – принадлежать к семье Медеи, к такой большой семье, что всех ее членов даже не знаешь в лицо и они теряются в перспективе бывшего, не бывшего и будущего*» [1, 236]. Интересно, что в этой фразе заменяется название времен: прошлого и настоящего. Улицкая специально делает акцент на глаголе быть, говоря о том, что вписанная в род жизнь отдельного человека не заканчивается со смертью.

К этому стоит добавить, что в образе Медеи аккумулируются образы и других античных персонажей. Медея своей способностью находить ценные вещи похожа на Ясона. Ср.: «*а у Елены в памяти запечатлелись рассказы Медеи о ее многочисленных находках, которыми так богата была ее жизнь*» [1, 25]. Медея сравнивается и с Одиссеем: «*Стоя на остановке автобуса с рюкзаком за плечами, Медея ощущала себя не менее чем Одиссеем*» [1, 153]. Она вбирает в себя и образ постоянно ждущей Пенелопы. Как и Пенелопа, Медея жила безотлучно в одном и том же месте в ожидании приезда многочисленных родственников.

Таким образом, Медея синтезирует две мифологических пары Медея-Ясон, Одиссей-Пенелопа, в ней прочитываются две из четырех вечных (по Борхесу) историй, – о возвращении и о поиске [2, 259–260]. Историй в контексте выше сказанного о возвращении к самому себе и о поиске самого себя.

В таком же ключе прочитывается и образ Елены Кукоцкой из романа «Казус Кукоцкого» (2001), где главная героиня мыслится в первую очередь как вопрошающая о времени. Елена, потерявшая память, пытается восстановить прошлое и начинает создавать свой текст, свою языковую реальность.

Текст вполне подходит в качестве средства, восстанавливающего время, так как представляет время, застывшее в знаках, семиотическое время (термин В. Руднева [3]). Недаром само существование осмысливается Еленой как ткань: «*выкопать корешок воспоминаний, связать его с тканью существования*» [4, 194]. Сама Елена, будучи полностью погруженной в свой нереальный мир, мир, лишенный настоящего момента,

постоянно вяжет, распускает и снова вяжет, то есть создает ткань. Здесь автор отсылает нас к образу Пенелопы.

Более того, Л. Улицкая вводит в текст описание состояния Елены, которое определяется как третье со-стояние, не сон и не явь, состояние «Великой Воды». В этом состоянии Елена видит себя полотном: *«Заботливо разложенная на огромном белом полотне, она и сама чувствовала себя отчасти этим полотном, и легкие руки что-то делали, как будто вышивали на ней, во всяком случае, она чувствовала покалывание мельчайших иголок, и покалывание это было скорее приятным»* [4, 18, 215].

Состояние «Великой Воды», граница — это состояние полотна, ткани, текста. Полотно или граница, как это парадоксально ни звучит, — это и сама Елена Георгиевна, которая благодаря созданию текста вбирает в себя время. Недаром она пропускает сквозь пальцы песок времени: *«пальцы ощупывали песок и, ухватив в горсть, просыпали тонкими струйками»* [4, 191]. Здесь явно дана ассоциация с песочными часами. Ср.: те же метафоры воды и песочных часов возникают при описании образа Медеи.

Состояние «Великой Воды» — это и состояние рождения. Причем ощущения, которые испытывает Елена, — это ощущения и рождающей матери, и рождающегося ребенка одновременно: *«Мое "Я" рвалось прочь из тела, не находило выхода, и судороги сотрясали меня.... И тогда существо мое не выдерживало, внутри что-то рванулось и сдвинулось — я выворачивалась наизнанку и сразу же догадалась, что вместе со мной выворачивался весь мир»* [4, 124].

Таким образом, тема само-рождения, раскрывающаяся через образ Елены, является одной из центральных тем в романе, и возвращает к центральной теме романа «Медея и ее дети» о возвращении человека и его поиске.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Улицкая, Л. Е. Цю-юрих: Роман, рассказы / Л. Е. Улицкая. — М.: Эксмо, 2002.
2. См.: Борхес, Х. Л. Четыре цикла / Борхес Х. Л. Сочинения: в 3 т. / Х. Л. Борхес. — Рига: Полярис, 1994. — Т. 2.
3. См.: Руднев, В. П. Прочь от реальности: Исследования по философии текста / В. П. Руднев. — М.: Аграф, 2000.
4. Улицкая, Л. Е. Казус Кукоцкого: Роман / Л. Е. Улицкая. — М.: Эксмо, 2003.

* * *